

Сологуб Н. С.
Sologub N. S.

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ В МЕМУАРАХ ДЕКАБРИСТОВ

SIBERIA AND SIBERIANS IN THE DECEMBRISTS' MEMOIRS

На основе обширного мемуарного наследия ссыльных декабристов автор оценивает приведенные в них основные концепции и идеи, касающиеся Сибири и ее жителей в XIX веке. Статья характеризует положительные и негативные тенденции в развитии региона данного периода, отмеченные бывшими дворянами. Автор предпринимает попытку проанализировать прошлое и настоящее Сибири через призму колониального вопроса, а также наметить возможные пути развития края.

Based on the extensive memoir heritage of exiled Decembrists, the author assesses the main concepts and ideas they put forward with respect to Siberia and its people. The article describes positive and negative tendencies in the development of the region during the 19th century, noted by former noblemen. An attempt to analyze Siberia's past and present through the prism of colonial matter and possible ways of development of the region is also given.

Ключевые слова: Сибирь, декабристы, ссылка, мемуары, колонизация, каторга.

Keywords: Siberia, Decembrists, exile, memoirs, colonization, hard labor.

Мемуары сосланных в Сибирь декабристов представляют особую ценность для исследователя в связи с тем, что на современном этапе развития исторической науки происходит сдвиг от изучения истории процессов к истории в ее антропологической интерпретации. Исследователю интересен жизненный путь человека, его ментальность, отношение к событиям. В связи с этим анализ источников личного происхождения позволяет по-иному прочесть «традиционные» представления русского человека о себе, своих соотечественниках, других народах.

Оказавшиеся в непривычной для них среде, обладающие при этом хорошим образованием и прекрасными личностными качествами (наблюдательность, трудолюбие, любовь к ближнему), декабристы оставили для нас независимые и объективные свидетельства о регионе, история которого в первой половине XIX в. крайне слабо обеспечена источниками личного происхождения. При этом мемуары дают возможность реконструировать различные аспекты жизни и деятельности сибиряков, которые не нашли отражения в делопроизводственной документации. Причем многие декабристы наблюдали не со стороны, не как заезжие путешественники и ученые, а глубоко проникнув в суть излагаемых вопросов.

Необходимо отметить, что историография данной проблематики широко рассматривала и анализировала содержание мемуаров декабристов. Однако большинство работ дореволюционного периода были направлены не на комплексный анализ деятельности ссыльных, а на внешнебытовую характеристику их жизни в Сибири, основанную на официальных документах. Здесь, в частности, можно выделить исследование А. И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири» [1]. Автор знакомит читателей с условиями организации ссылки через призму официальных материалов.

В советский период изучение темы декабристов и их ссылки в Сибирь резко активизируется. Уже в 1920–1930-х гг. историческая наука начинает формировать свое видение этого процесса. Прежде всего интересен очерк Марка Азадовского о краеведческой деятельности декабристов [2]. Через анализ личных материалов автор повествует об опытах врачевания М. И. Муравьева-Апостола, И. Ф. Фохта, Ф. Б. Вольфа, об открытии первого Мариинского училища, деятельности П. Н. Свистунова по созданию и благоустройству женской школы в Тобольске. Этот очерк был первым, где рассматривалась краеведческая деятельность декабристов на территории Сибири.

Говоря о советском периоде, нельзя не упомянуть несколько обширных работ М. В. Нечкиной, которые концептуально рассматривают весь феномен декабризма. Большинство интересующих нас выводов присутствуют в ее двухтомнике «Движение декабристов» [3]. Это была не итоговая работа для автора по этой теме (она продолжала издаваться еще на протяжении 30 лет), однако необходимо отметить фундаментальность и концептуальную новизну данного труда. Многие современные научные деятели утверждают, что автор сумела вписать «разновременные высказывания вождя большевиков В. И. Ленина» [4, с. 56] в единую концепцию движения декабристов, и с этим трудно спорить. Автор рассматривает декабризм в контексте «революционной истории», а сами участники восстания предстают нам «дворянскими революционерами» [3, с. 5]. По М. В. Нечкиной, декабризм – это неизбежное столкновение старого с новым, переход от одной эпохи к другой, а сама концепция первой революции в истории освободительных движений была актуальна для всей советской исторической науки и ангажировалась еще Лениным.

Двадцать первый век характеризуется многочисленными статьями, сочинениями и монографиями, которые в той или иной степени касаются деятельности декабристов, их вклада в развитие Сибири. Большинство исследователей выделяют различные положительные «качества», которые смогли «привить» региону политические ссыльные. В частности, экономические взгляды декабристов и анализ возможных путей развития региона подробно рассмотрен в работе Виктора Даниловича Юшковского [5]. По его мнению, именно они, а не сибирская интеллигенция тех лет, были заинтересованы в должном осмыслении потенциала региона. Под общий знаменатель автор смог вынести основные утверждения декабристов, пророчащие светлое экономическое будущее Сибири. Сюда В. Д. Юшковский относит: огромное земельное пространство (потенциал для хлебопашества); особое географическое расположение региона, что давало возможности для торговли с Америкой и Китаем; доходные предприятия, позволявшие наращивать капитал и постепенно создавать стабильный внутренний рынок (золото-промышленность); богатые природные ресурсы (лес и руды). Для достижения успехов во всех этих областях декабристы, по мнению автора статьи, занимались просветительской и культурной деятельностью: «задачи общего экономического подъема сопрягались с необходимостью повсеместного и системного просветительства» [5, с. 2].

Современные работы, затрагивающие вопросы мемуарного наследия ссыльных, редко занимаются обширным анализом множества сторон сибирской жизни, останавливаясь обычно на конкретных концепциях, мыслях и людях. В этом отношении показательна статья доктора исторических наук А. С. Акопяниц «Декабрист Н. В. Басаргин: размышления о преобразовании Сибири» [6]. Помимо представления читателю информации о возможных путях развития сибирского региона, автор сделал вывод о том, что именно «социально-политическое преобразование Сибири должно было стать основой ее экономического развития» [6, с. 103]. Сюда же можно отнести статью кандидата исторических наук О. П. Еланцевой, в которой автором предпринимается попытка выстроить целостный образ декабриста на основе воспоминаний, записок и очерков. Через саморефлексию ссыльных и их социальные взаимодействия Ольга Павловна пришла к выводу о том, что участники восстания, «сосланные в Сибирь, оказавшись в условиях чуждого мира, изолированные насильно от общества себе подобных» [7, с. 122], явно или скрыто преобразовывали окружающее их общество. Нас это может привести к мысли о том, что деятельность декабристов, направленная на развитие края, была основана на желании сопоставить регион с Центральной Россией, а не обособить его.

Необходимо сделать вывод, что современная историография декабризма тяготеет к деконструкции героического образа «революционеров» Сенатской площади, отходя от традиции еще советской исторической науки и Ленинских воззрений. Однако сибирский период жизни в современной исторической науке до сих пор рассматривает декабристов как людей, не потерявших активности и бодрости духа.

Сибирь начала XIX в. была территорией, абсолютно обособленной для большей части населения Европейской России. Декабристы также видели в ней глухой и забытый край. Не зря К. Ф. Рылеев назвал Сибирь «страной изгнания» [8, с. 6]. Сибирская ссылка с конца XVI в. применялась как кара для политических противников и как милость по отношению

к ним взамен более сурового наказания, как мера обеспечения внутренней безопасности государства и как средство заселения отдаленных сибирских территорий.

Первое и главное отличие Сибири от Европейской России декабристам виделось, конечно, в отсутствии крепостного права. Следствием этого была относительная зажиточность и самостоятельность местных крестьян, на что сами ссыльные в своих мемуарах довольно часто обращали внимание. Декабристы придерживались идеи о том, что крепостничество создает дополнительный разрыв между сословиями. Отмечая контраст между унижительным крепостным «рабством» в Центральной России и отсутствием такового в Сибири, А. М. Муравьев указывал, что даже незавидное положение прибывающих в Сибирь ссыльнопоселенцев из крепостных крестьян в свете обретаемого ими блага личной свободы много лучше «участи русских рабов», особенно когда первые «благодаря своему доброму поведению и настойчивости... устраиваются довольно сносно» и даже «становятся богатыми» [9, с. 139].

Н. В. Басаргин утверждал, что отсутствие крепостной зависимости положительно влияет на благосостояние сибирских крестьян, которых сам декабрист характеризовал как народ достаточно «смышлёный и зажиточный» [10, с. 212]. Подтверждение этому мнению можно найти и в записках И. И. Пущина, отмечавшего определенную образованность сибиряка, а также меньшее социальное расслоение в крае, препятствующее «большой нищете» [11, с. 207]. Нельзя, однако, согласиться с утверждением ряда исследователей об идеализации сибиряков, и прежде всего крестьянства, декабристами [12, с. 86]. Как вдумчивые наблюдатели они отмечали и негативные стороны сибирской жизни. В частности, В. К. Кюхельбекер выделял в ней следующие господствующие пороки: пьянство, распутство, склонность к обману. Н. В. Басаргин, служивший в 1848–1857 гг. в Ялуторовске, с сожалением писал о чиновничьем произволе как исходной причине многих из этих народных пороков: «крестьяне, которые наиболее терпят от него (лихоимства чиновников), так им заражены, что когда кто-нибудь из них поступит на общественную должность в своей волости, то необходимо становится отъявленным взяточником и готов всеми средствами притеснять своих собратьев» [10, с. 212].

Как описано в работе Г. П. Шатровой, Г. С. Батеньков отмечал, что в Сибири имеются «обширные пустыни, до которых еще не коснулась рука работника и в которых без пользы погибают многие естественные произведения» [12, с. 98]. В деревне присутствовала дифференциация по имуществу, кабальные отношения процветали, а культура грамотного землепользования не существовала ввиду отсутствия средств и примитивных орудий труда. Д. Завалишин писал, что пользуясь своими накоплениями, богатые крестьяне смогли сами поставить бедных в зависимость, «давая крестьянину, в нужде, деньги на уплату повинностей и заставляя его расплачиваться потом вдвое и втрое работою» [12, с. 63].

Представляет интерес и отношение декабристов к проблеме статуса Сибири в составе Российской империи. Мысль о целесообразности предоставления региону областной самостоятельности фиксируется в «Русской правде» П. И. Пестеля. Он предлагал, в частности, разделить Россию на 10 областей, одной из которых предполагалось сделать Сибирь. По «Конституции» Н. М. Муравьева российское государство должно было делиться на ряд самоуправляющихся «держав», в том числе «Обийскую и Ленскую» [13, с. 19].

Не были обойдены декабристами и параллели между освоением Сибири и Североамериканского континента. Еще в 1920-х гг. М. К. Азадовский подметил, что декабристы (Н. В. Басаргин, Н. А. Бестужев, И. И. Пущин, А. Е. Розен, В. И. Штейнгель) пытались сопоставлять Сибирь с Соединенными Штатами Америки [14, с. 6–8], в том числе с точки зрения политического развития. Находясь в Сибири, Н. И. Бестужев и М. А. Фонвизин переводили главы из книги А. де Токвиля «О демократии в Америке», интересуясь историей колонизации Северной Америки, о чем сказано в [15]. И. И. Пущин верил в возможность самостоятельного существования региона и необходимость отделиться от метрополии (России), подобно тому, как в свое время американские колонии отделились от Англии. Такой путь должен был помочь «подвинуть ее (т. е. Сибирь – Н. С.) вперед от России» [11, с. 206]. В письме от 5 марта 1845 г. он отмечал: «Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты. Она могла бы тотчас отделиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы – богатая всеми

дарами природы. Измените несколько постановлений (законы – Н. С.), все пойдет улучшаться» [11, с. 206]. Такого же мнения придерживался и А. Е. Розеном. Он проводил своеобразную параллель между ссыльными и беглецами в Сибири и различными авангардными «политическими и религиозными» изгнанниками Северной Америки.

Декабристы первыми поставили вопрос о колониальном положении Сибири в составе Российской империи, причем в их позициях уже наглядно представлены позднейшие различия в трактовках колониальности. По мнению Н. А. Бестужева, Сибирь – «колониальная страна, которую осваивали народы России, русская земля», т. е. колония не столько завоеванная, сколько переселенческая. В отличие от него Г. С. Батеньков рассматривал Сибирь, как типичную, т. е. угнетаемую метрополией, колонию, характерными признаками которой являлись слабая заселенность и эксплуатация сырьевых богатств [16, с. 75]. М. С. Лунин, критикуя политику правительства, отмечал, что даже «новые ресурсы, которые представляет Сибирь, вливающая в оборот свое золото», бездарно расточаются правительством без всякой пользы для «общественного благополучия» [17, с. 299].

Многие впечатления декабристов о Сибири можно было отнести к разряду отрицательных. Лучше всего их эмоционально тяжелое состояние описывал М. С. Луниным. По его мнению, невежество местного населения и суровость климата изглаживали в умах бывшей интеллигенции всякий «тип изящного». Яркие впечатления и грациозность воображения сменялись здесь «спокойствием и скукой» [17, с. 54].

Ссыльные декабристы указывали на низкий уровень развития производительных сил, отсутствие обрабатывающей промышленности, произвол администрации, негативное воздействие штрафной колонизации в Сибири. Отмечая отрицательное влияние каторги и ссылки на состояние общества, они в то же время показывали бездеятельность и беспомощность местной сибирской власти. Центру якобы были глубоко безразличны подлинные нужды и перспективы развития региона, он отмахивался от решения проблем, тяготивших население края [18, с. 273].

Некоторые декабристы в этой связи пытались адаптировать окружающее их пространство под свои воззрения и идеалы, как было в случае с И. Д. Якушкиным и его школой, в которой ученикам рассказывалось о гражданских свободах, а также М. С. Луниным, который продолжал в период ссылки распространять свои противомонархические воззрения.

Отмечалось бедственное положение ссыльнокаторжных. Информация об этом присутствует в мемуарах декабристов во многом из-за их пребывания на Петровском чугуноплавильном заводе, где ссыльные являлись большинством. М. А. Бестужев, например, рассказывал о труде приписанных к заводу крестьян, которые были «обречены на участь, еще горшую каторжной... Я видел собственными глазами, как 75-летний седой старик (Старченко), слесарь, умер или, точнее, угас, работая у своих тисков» [19, с. 166].

Н. В. Басаргин утверждал о «неестественности» положения этих людей, полностью отвергнутых обществом. Главная проблема виделась в зависимости благосостояния этого слоя от личностей и предпочтений начальства. Если управляющий обращал внимание на материальный быт и пытался его улучшить, то многие ссыльные обзаводились семьями и вели хозяйство. Однако в остальных случаях, «проводя целые дни в тяжелой работе, в душном, грязном остроге, без одежды зимой и летом, питаясь так, чтобы не умереть только с голоду», людей ставили в такое положение, при котором бегство могло стать одним из наименее тяжелых их преступлений [19, с. 218].

К таким же выводам приходил М. С. Лунин в письмах к сестре Екатерине Уваровой. Он высказывал весьма гуманную и прогрессивную идею: «Смерть его (осужденного) так же важна, как и жизнь судьи» [17, с. 37]. Декабрист отмечал варварские консервативные начала многих мер, направленных против осужденных законом людей. Продолжая эту мысль, мы можем утверждать и о слабой развитости инфраструктуры полицейской охраны региона. У власти в принципе не было возможностей направлять людей на поиски «беглецов» ввиду и ограниченных ресурсов, и огромных территорий. Поэтому на помощь приходили коренные жители, которым «дозволялось ловить ссыльного и в случае сопротивления убивать его» за вознаграждение в размере 10 руб. ассигнациями [10, с. 359].

Наконец, Н. В. Басаргин в своих «Записках» высказал мысль о необходимости поддерживать охрану личных прав и защиту частной собственности. На тот момент сам декабрист подчеркивает, что «любые гражданские судебные процессы могли растягиваться на срок более 10 лет и получалось, что расходы на судебные тяжбы иногда не приносили никакой выгоды» [10, с. 204]. Уголовные дела, по его мнению, также подвержены этой проблеме.

Для развития края Н. В. Басаргин предлагал обширный ряд мер:

1. Учреждение наместничества, которое обладало бы самостоятельностью в вопросах административных распоряжений. Расширение прав определенных лиц в частных случаях достаточно легко объясняется тем фактом, что сами наместники должны были ожидать разрешения властей в попытках любых изменений, а генерал-губернаторы чаще всего не решались на большие преобразования.

2. Учреждение двух департаментов Сената – «гражданского и уголовного».

3. Преобразования экономического пространства на территории Сибири, которые должны были способствовать развитию рыночных отношений и предпринимательской инициативы. Дело в том, что экономическая система Сибири страдала от недостатка капиталов, которые переводились их владельцами сразу в Европейскую часть России, и необходимых специалистов. Учреждение высших учебных заведений на территории Сибири позволило бы организовывать подготовку нужных кадров для местного производства. Более того, им было бы легче ориентироваться в нуждах и потребностях территории. Эта идея была высказана практически за полвека до организации первого высшего учебного заведения в Томске. Таким образом, хотя большинство предприятий были добывающего типа, но, как считал Н. В. Басаргин, возможно развитие в Сибири и других производств [10, с. 205].

Реализация развития региона, по мнению Н. В. Басаргина, достигалась лишь средствами развития промышленности, путей сообщений, торговли, образования и просвещения, достаточного народонаселения, притока капиталов, что в совокупности приведет к быстрому экономическому успеху [6, с.103].

Н. В. Басаргин видел перспективы развития торговых отношений в крае. Подтверждение этого мнения находим и у А. Е. Розена, оставившего важные свидетельства об одной из курганских ярмарок. Помимо детального ее описания, можно увидеть и интересные особенности местной торговли: динамичность сделок; специфика использования бумажных и медных денег; любовь торговаться и др. [20, с. 282].

Н. В. Басаргин также утверждал, что торговая политика в регионе была чрезвычайно устаревшей в виду слабого развития инфраструктуры и внутренних путей сообщения. В пример он приводит ситуацию, сложившуюся в Тобольской губернии в 1850 г., когда цена на зерно была крайне низкой, что повлекло за собой огромные убытки земледельцам, в то же время в Красноярске ценовая политика на хлеб «разоряла даже золотопромышленников» [10, с. 208].

В письмах Борисовых утверждается, что Сибирь страдает от неудобств перевозок, но при этом способна сделать жизнь крестьянина не только безбедной, но и богатой. В доказательство они приводят факты о том, что все «здешние богачи» занимались сначала работой продавца в купеческих лавках, а потом разбогатели на внутренней торговле, которая, по словам братьев, «может быть в некоторых отношениях выгоднее внешней» с Китаем [21].

Все вышеперечисленные примеры свидетельствуют, по мнению декабристов, о слабом понимании центральной властью особенностей региона. Пытаясь ввести в Сибири порядки, установленные на территории Европейской России, государство «создавало лишь больше неразберихи и недовольства», как указывал декабрист Е. Оболенский, «у нас чистая демократия не мыслима без чистого деспотизма» [22, с. 68].

Н. В. Басаргин в своих «Воспоминаниях» описывал природу, которая в Сибири «величественна», отмечал разнообразие ее животного и растительного мира» [23]. Отдельно характеризуется уникальный вид прибрежных скал Забайкалья, похожих на «фантастическую архитектуру», а также многообразие цветов, которым «место и в оранжереях». Описывая природу Забайкалья, декабрист говорит о впечатлениях, «которые никогда не изгладятся» из памяти, настолько сильно они поражали воображение [10, с. 185]. Такие же мысли возникли у А. Е. Розена, он сравнивал дальние «гранитные» холмы, виднеющиеся на горизонте, с «древними замками с башнями» [20, с. 254].

Интересны также выводы Ф. Б. Вольфа, сделанные в письмах к И. Д. Якушкину. Автор, анализируя географию Забайкальского региона, отмечал специфику болотистой земли, где присутствовали признаки текучей воды, а также остатки «голышей» (гладких камней) гранитного происхождения. Сам автор относит их к местности Байкала и Ангары. Декабрист делает вывод: «Все это место, вероятно, еще в неотдаленные времена было под водою» [24, с. 171].

Братья Борисовы писали своим сестрам об обилии болот в крае и «сухом и здоровом климате», доказывали возможность выращивания обильных «хлебных растений и почти всех огородных овощей» [21, с. 179]. К таким выводам декабристы пришли на основе свидетельств «туземцев», однако даже хлебные товары соседних деревень, по мнению Борисовых, доказывают, что климат, земля и почва благоприятно влияют на земледелие в Сибири. Важность наличия скота объясняется тем, что даже при самом скромном содержании овцы способны приносить существенную часть доходов: «при вольных пастбищах, весьма прибыльно» [21, с. 180].

Н. В. Басаргин сообщал о скудном заработке с хлебопашества в Западной Сибири, из-за низкой стоимости хлеба жизнь таких земледельцев могла стать безбедной только в случае занятия ремеслами или «услужением» [10, с. 352].

Первоначально положительную оценку перспектив в земледелии региона давал и Н. А. Бестужев. В первом письме из Селенгинска он уверял своего брата Петра в необычайной «хлебобродности» местности. Однако уже через год он делает вывод о том, что качество целинной земли падает по причине регулярных засух: «Болота высохли, речки обмелели, источники иссыкли совершенно, дожди стали редки и хлеб родится ныне только в смочные годы, тогда как прежде, урожаи почти были баснословные...» [25]. Такие первые неудачи могли стать серьезным ударом для человека, который был убежден, что земледелие – это основной источник народного богатства и что аграрному успеху во всей России мешает только рабство [19, с. 119]. Таким образом, оценка декабристом потенциала земледелия на территории Сибири изменилась, так как суровость климата ставила крестьян-земледельцев в тяжелое экономическое положение. Именно поэтому братьями делается вывод о важности содержания скота в Сибири. По этому пути пошел и сам Н. А. Бестужев, занявшись разведением овец. В отношении Забайкалья Н. А. Бестужев писал, что обыденно здесь даже для бедного населения иметь лошадь, коров, овец. Это связано с тем, что скот может питаться всю зиму подножным кормом, который не скрывается за толстым слоем снега. Скот в крае кормят сеном лишь во время заморозков, чтобы обеспечить поддержку «естественной теплоты» [25].

Позднее декабристы отмечали огромные ресурсы, за счет которых Сибирь может существовать самостоятельно, так как «богата всеми дарами царства» [4, с. 206]. По этому вопросу высказывался М. А. Бестужев-Марлинский, отмечая обилие природных возможностей в Сибири, что позволяет ей стать промышленным регионом, «страной фабрик и заводов» [8, с. 7].

В оценках декабристами природно-географических условий Сибири часто подчеркивалась величественность, возвышенность, необъятность и власть природы над судьбами людей. Весенний гололед, зимний буран могли повлечь за собой гибель сотен голов скота. Низкий уровень медицины также делал животных и людей уязвимыми. Слабость человека по сравнению с суровой природой – один из главных мотивов произведений декабристов. В их записках просматривается достаточно четкая линия, когда первоначальное восхищение природой, ресурсами Сибири и ее богатствами, перспективными возможностями в сельском хозяйстве сменяется все более осторожными утверждениями.

Сами декабристы были людьми творческими, поэтому многие их первоначальные впечатления о Сибири нашли отражение в картинах, стихах, личных записях. Многим еще на каторге пришлось перекалцифицироваться из художников, поэтов и ученых в слесарей, токарей, механиков и педагогов и поделиться своими знаниями с собратьями. Многие были не готовы к новым условиям и часто терпели поражения в своих начинаниях, как, например, братья Бестужевы, которым пришлось искать различные способы поиска заработка себе на хлеб.

Декабристы видели будущее края в наращивании производительных сил и налаживании инфраструктуры региона, что позволило бы ему подняться на одну ступень с Центральной Россией. Декабристы оставили в Западной Сибири не только добрую память о себе, они способствовали формированию традиций интеллигентности и терпимости [7, с. 125]. Однако для нас

сегодня важнее то, что их всеобъемлющее влияние в Сибири не стерлось со временем, а отпечаталось и во множестве исторических памятников, и в разумах многих сибиряков того времени.

Их просветительская работа и критика местной формы управления показали, что изменения этому краю необходимы. Они указывали, что активному развитию Сибири мешают злоупотребления и непонимание властями (от мелких чиновников до генерал-губернаторов) культурных особенностей региона и его специфики.

Литература

1. Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири: Очерк по офиц. документам / сост. А. И. Дмитриев-Мамонов. М. : Университетская типография, 1895. 210 с.
2. Азадовский, М. К. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. Иркутск : Восточ.-Сибир. кн. изд-во, 1925. 48 с.
3. Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1–2. М. : Изд-во АН, 1955. 507 с.
4. Сафонов М. М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н. М. Дружинин против М. В. Нечкиной) // СПб., 2015. Сер. 2. Вып. 4. С. 55–65.
5. Юшковский В. Д. Модернизация «Общественного хозяйства» Сибири в середине XIX в.: к вопросу об экономических воззрениях ссыльных декабристов // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 4 (8). С. 85–91.
6. Акопьянц Анаит Суреновна Декабрист Н. В. Басаргин: размышления о преобразовании Сибири // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 6. С. 100–104.
7. Еланцева Ольга Павловна «обычная» жизнь декабристов в ссылке в Западной Сибири (по материалам воспоминаний, записок и очерков) // Филол. класс. 2019. № 3 (57). С. 120–126.
8. Жеребцов Б. И. Старая Сибирь в воспоминаниях современников. М. : Юрайт, 2019. 266 с.
9. Мемуары декабристов. Северное общество. Москва : МГУ, 1981. 400 с.
10. Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи / изд. подгот. И. В. Порохом. Иркутск : Восточ.-Сибир. кн. изд-во, 1988. 544 с.
11. Пущин И. И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб. : Академ. проект, 1998. 577 с.
12. Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1962. 178 с.
13. Сониная Л. В. Обзор основных положений конституционных проектов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева // Вестн. Челябин. гос. ун-та, 2002. № 2. С. 15–23.
14. Азадовский М. К. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. Иркутск : Восточ.-Сибир. кн. изд-во, 1925. 48 с.
15. Болховитинов Н. Н. Декабристы и Америка // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 96–97.
16. Шатрова Г. П. Декабрист Г. С. Батеньков. Томск : Кн. изд-во, 1960. 91 с.
17. Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск : Восточ.-Сибир. кн. изд-во, 1988. 566 с.
18. Дамешек Л. М., Ремнев А. В. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 368 с.
19. Бестужев Н. А. Статьи и письма. М. ; Ленинград : Изд-во политкаторжан, 1933. 258 с.
20. Розен А. Е. Записки декабриста. СПб. : Общественная польза, 1907. 464 с.
21. Письма братьев Борисовых, 1838–1841 гг. // Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 178–196. URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/borisov5.htm> (дата обращения: 26.04.2020).
22. Письма Е. Оболенского к М. И. Муравьеву-Апостолу, 1858–1865 // Декабристы: неизданные материалы и статьи. М. : Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. 117 с.
23. Басаргин Н. В. Записки Н. В. Басаргина / ред. и вступ. ст. П.Е. Щеголева. Петроград, 1917. URL: http://az.lib.ru/b/basargin_n_w/text_0020.shtml (дата обращения: 20.03.2020).
24. Лушников Г. Декабрист Ф. Б. Вольф // Декабристы в Сибири. Новосибирск: Новосибир. обл. гос. изд-во, 1952. С. 165–180.
25. Бестужев Н. А. Письма из Сибири : Вып. 1. Селенгинский период 1839–1841 / ред. и прим. М. К. Азадовского и И. М. Троцкого. Иркутск : Издание Иркутской секции научных работников, 1929. URL: http://az.lib.ru/b/bestuzhew_n_a/text_0060.shtml (дата обращения: 01.12.2019).